

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ

ХИРОМИ КАВАКАМИ
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ДЗЮНЪИТИРО ТАНИДЗАКИ

Погода в Токио

Хироми Каваками
Портфель учителя

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.521-31(520)
ББК 84(5Япо)-44

Каваками Х.

Портфель учителя / Х. Каваками — «Издательство АСТ»,
2001 — (Погода в Токио)

ISBN 978-5-17-157583-0

Цукико ведет уединенный образ жизни. По ее мнению, она не создана для любви и привыкла коротать одинокие вечера в баре, где однажды случайно встречает своего школьного учителя. Он тоже живет один в слегка заброшенной квартире, где собирает странные предметы. Учитель и Цукико заключают между собой негласный договор о разделении одиночества. Они выбирают одну и ту же еду, ищут общества друг друга, и им трудно расстаться, хотя иногда они пытаются убежать: учитель – в воспоминания о бросившей его жене; Цукико – о бывшем однокласснике. По мере того, как Цукико и учитель сближаются, течение жизни отмечается нежными намеками на смену времен года: от согревающих до освежающих напитков, от распускания почек на деревьях до цветения сакуры... Это трогательная, забавная и захватывающая история о современной Японии и старомодной романтике. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.521-31(520)

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-157583-0

© Каваками Х., 2001

© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Луна и батарейки	6
Цыплята	11
22 звезды	17
Поход за грибами (часть первая)	23
Поход за грибами (часть вторая)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Хироми Каваками Портфель учителя

Hiromi Kawakami
SENSEI NO KAVAN
Серия «Погода в Токио»

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Перевод с японского *Александры Гуровой*

© 2001, Hiromi Kawakami All rights reserved

© Гурова А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Луна и батарейки

На самом деле учителя звали Мацумото Харуцуна, но я называю его просто учителем. Не по фамилии и даже не по имени, а именно учителем.

В старших классах он вел у меня японский. Он не был моим классным руководителем, да и я не была слишком увлечена родным языком, поэтому не могу сказать, что учитель мне особенно запомнился. К тому же мы не виделись достаточно долго – с самого выпускного.

С тех пор как я несколько лет назад случайно оказалась рядом с ним в дешевом баре у станции, я стала частенько сюда заходить. Учитель сидел за стойкой, немного приосанившись.

– Натто¹ с тунцом, обжаренный корень лотоса и маринованный лук, пожалуйста, – обратилась я к бармену, садясь за стойку, и почти в одно время со мной осанистый старик тоже сделал заказ.

– Маринованный лук, обжаренный корень лотоса и натто с тунцом.

Я посмотрела на него – надо же, наши вкусы сошлись! – и он тоже посмотрел на меня. Его лицо показалось мне знакомым. Пока я силилась вспомнить, учитель сам обратился ко мне:

– Омати Цукико?

Я удивленно кивнула, и он продолжил:

– Я несколько раз видел тебя здесь.

– Да? – ответила я невнятно, продолжая внимательно рассматривать учителя. Аккуратно причесанные седые волосы, идеально выглаженная рубашка, серая жилетка. На стойке – бутылочка с саке, блюдо с закуской из китового хвоста и маленькая миска с остатками водорослей. Что ж, кажется, и закуски мы предпочитаем похожие... И тут вдруг в памяти всплыл неясный образ учителя, ведущего урок в старшей школе.

Учитель всегда стоял у доски с губкой для стирания мела в руке. «Весенний рассвет. Горы в первых лучах...»² – писал он мелом и немедленно стирал написанное, не оставляя текст и на пять минут. Он не выпускал губку даже во время лекций, она словно срослась с его мускулистой левой рукой.

¹ Традиционная японская еда, произведенная из сброженных соевых бобов.

² Строки из «Записок у изголовья» Сэй-Сэнагон.

– Ты же девушка, а ходишь в такие заведения, – заметил учитель, тихонько обмакивая последний кусочек рыбной закуски в соус и поднося палочками ко рту.

– Что? – ответила я, наливая себе пива.

Я вспомнила, что этот человек был учителем в моей старшей школе, но имя вспомнить не удавалось. Я осушила стакан, растерянная и одновременно пораженная тем, как он запомнил имя одной из многих учеников.

– Помнится, раньше ты носила косу.

– Ну да.

– Я увидел тебя у магазина и узнал.

– Понятно.

– Кажется, в этом году тебе уже тридцать восемь?

– Пока только тридцать семь.

– Прости-прости.

– Ничего страшного.

– Я проверил по списку класса и фотоальбому.

– Что?

– А ты совсем не изменилась.

– Вы тоже, учитель, – произнесла я, не подавая виду, что не помню, как его зовут. С тех пор я только так его и называю.

Тем вечером мы выпили пять бутылочек саке на двоих. Счет оплатил учитель. Во время нашей следующей встречи платила уже я. В третий раз мы попросили отдельный счет и каждый платил сам за себя. С тех пор мы всегда так делаем. Почему мы все еще продолжаем ходить в этот бар? Наверное, мы просто не можем иначе. Мы не только предпочитаем одинаковые закуски – уверена, отношения с людьми мы тоже строим одинаково. Он старше меня на три десятка лет, но мне он кажется намного ближе сверстников.

Я несколько раз была у учителя дома. Порой после бара мы заходили в другой, а уже потом расходились по домам. Изредка мы шли в третий бар и в четвертый – в такие дни мы обычно заканчивали пить уже у учителя.

Когда учитель впервые предложил пойти к нему домой, я немного напряглась.

– Тут недалеко, – сказал он.

Я слышала, что его жена скончалась и он жил один. Мне не очень нравилась идея идти домой к одинокому мужчине, но поскольку мы уже выпили и мне хотелось еще, я все-таки пошла.

В доме царил гораздо больший беспорядок, чем я могла ожидать. Мне казалось, что в комнатах не окажется ни пылинки, но в темном углу были свалены вещи. Переходящая в прихожую комната с ковром, где стоял старый диван, казалась нежилой, а вот в следующей комнате были разбросаны книги, бланки для сочинений и газеты.

Освободив чайный столик, учитель вытянул из горы вещей в углу двухлитровую бутылку и наполнил саке большие пиалы.

– Пожалуйста, – предложил он и, оставив меня, отправился на кухню.

Эта комната выходила окнами в сад. Одна из ставен была открыта. За стеклом смутно виднелись ветви деревьев, но без цветов я даже не могла понять, что это за деревья такие. Я в целом в растениях не разбираюсь.

Когда учитель вернулся, неся на подносе нарезанную кету и семена хурмы, я спросила:

– А что за деревья в саду?

– Там только вишни, – ответил он.

– Все деревья – вишневые?

– Абсолютно все. Жена любила сакуру.

– Наверное, весной тут очень красиво...

– Насекомых полно, осенью все засыпает листьями, зимой – сплошь голые ветки...
Ничего хорошего, – без особой неприязни проговорил учитель.

– Луна взошла, – заметила я.

Высоко в небе повис полумесяц, подернутый облачной дымкой. Учитель подцепил семечку, чуть наклонил чашку и отпил саке.

– Моя жена была совершенно спонтанным человеком.

– Да?

– Делала что вздумается.

– Вот как.

– Эти семена хурмы из Ниигаты. Мне нравится их островатый вкус.

Острый, жгучий вкус семечек отлично подходил к саке. Какое-то время мы молча ели их.

В ветвях деревьев в саду кто-то летал. Наверное, это была птица. Я слышала тонкий птичий голос, какое-то время шелестели ветки дерева, но потом все стихло.

– Там птичье гнездо? – спросила я, но ответа не получила.

Оглянувшись, я увидела, что учитель внимательно читает газету. Не сегодняшнюю – похоже, он достал ее из кучи на полу. Учитель сосредоточенно читал статью в рубрике зарубежных новостей, где была фотография женщины в купальнике. Казалось, он забыл о моем существовании.

– Учитель, – снова обратилась к нему я, но он не отозвался – он был слишком сосредоточен на чтении.

– Учитель! – позвала я значительно громче. Он поднял голову.

– Хочешь взглянуть? – вдруг спросил он.

Не дав мне ответить, учитель положил развернутую газету на пол и, открыв раздвижную дверь, ушел в соседнюю комнату. Там он залез в старый комод, что-то вытащил и вернулся. В руках у него была маленькая глиняная посуда. В соседнюю комнату учитель возвращался еще несколько раз.

– Вот-вот, взгляни! – Учитель, прищурившись, бережно расставил на полу посуду. Там были сосуды с ручкой, крышкой и носиком. – Посмотри-ка.

– Хм?

Ну и что же это? Я присмотрелась: кажется, где-то я это уже видела. Сосуды были сделаны довольно грубо. И что это, чайники? Вроде маловаты...

– Это дорожные глиняные чайники, – пояснил учитель.

– Дорожные?

– Их покупали в путешествие вместе с бэнто³. Сейчас чай продается в пластиковых бутылках, а раньше он продавался вот в таких чайниках.

Мужчина расставил на полу более десятка чайничков. Они были разных цветов: и яркие янтарные, и довольно тусклые. По форме чайники тоже были разными: с большим носиком, с крупной ручкой, с маленькой крышкой, пузатые...

– Вы их коллекционируете? – поинтересовалась я, но учитель покачал головой.

– Я покупал их во время путешествий.

Этот чайничек куплен в год поступления в университет, когда учитель ездил в Синсю. Этот приобретен по пути в Нару, во время путешествия с коллегой на летних каникулах. Тогда учитель вышел из поезда на одной из станций, чтобы купить бэнто себе и коллеге, а когда хотел вернуться в вагон – поезд уже отправился. А этот куплен в Одаваре во время свадебного путешествия. Чтобы не разбить, его завернули в газету и положили вместе с одеждой, сумку

³ Японский термин для однопорционной упакованной еды. Традиционно бэнто включает в себя рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.

с которой во время путешествия носила жена. Учитель показывал пальцем на каждый из стоящих на полу чайничков и рассказывал его историю, а я просто кивала.

– Я слышал, что некоторые их собирают.

– Поэтому и вам захотелось?..

– Вот еще! Я такой ерундой не занимаюсь. – Учитель прищурился: мол, просто решил показать, что накопилось за годы. – Мне вообще тяжело что-либо выбрасывать, – признался мужчина, а затем снова пошел в соседнюю комнату и вернулся с несколькими небольшими пакетами. – Вот, посмотри. – Он развязал один.

Из пакета он вытащил множество батареек. Каждая из них была подписана черным маркером: «бритва», «часы», «радио», «фонарик»... Учитель взял в руки большую батарейку и начал рассказывать:

– Вот эту батарейку я использовал в тот год, когда был тайфун в заливе Исэ⁴. В Токио тоже был довольно сильный тайфун, и я за одно лето истратил все батарейки для карманного фонарика. А вот батарейка от моего первого кассетного магнитофона. Их нужно было сразу восемь, и они очень быстро садились. Я много раз подряд прослушивал симфонии Бетховена, так что посадил батарейки за несколько дней. Все восемь штук я сохранить не мог, но хоть одну оставить хотелось, так что я закрыл глаза и выбрал одну наугад.

Учителю было жалко выбрасывать батарейки, ведь они служили ему верой и правдой. Батарейки помогают зажечь свет, включить музыку, запустить мотор – а значит, нельзя просто бесцеремонно выбросить их, как только они сядут.

– А тебе разве не жалко, Цукико? – Учитель взглянул на меня.

Я не знала, что ему ответить, а потому в который уж раз за этот вечер кивнула и коснулась пальцем одной из нескольких десятков батареек. Она заржавела и отсырела. Надпись на боку гласила: «калькулятор Casio».

– Ночь скоро кончится, – заметил учитель, подняв голову.

Луна вышла из облаков и теперь ярко сияла.

– А чай в дорожных чайничках, наверное, вкусный, – пробормотала я.

– Может, чаю заварить? – предложил мужчина, протягивая руку, и, обшарив пол вокруг двухлитровой бутылки, вытащил чайницу.

Небрежно бросив листья в янтарного цвета чайничек, учитель открыл старый термос, что стоял рядом с чайным столиком, и залил заварку кипятком.

– Это мне один из учеников подарил. Сделан в Америке. Хороший термос, хоть и старый – смотри, вода все еще горячая, а ведь налил еще вчера.

Учитель налил чаю в те же чашки, в которых было sake, и бережно погладил термос. Похоже, в чашках еще оставалось немного sake – у чая был какой-то странный вкус. Алкоголь внезапно ударил в голову, и мне стало весело.

– Учитель, а можно мне посмотреть комнату? – спросила я и, не дожидаясь ответа, направилась в заваленный всякой всячиной угол.

Макулатура. Старая зажималка. Покрытое ржавчиной ручное зеркало. Три больших черных кожаных портфеля, заношенных и помятых. Все три – одного фасона. Садовые ножницы. Шкатулка. Какая-то пластиковая коробочка черного цвета с делениями и стрелкой.

– Что это? – спросила я, взяв в руки эту черную коробку.

– Что тут у нас? Ах, это! Это тестер.

– Тестер? – переспросила я, а учитель аккуратно забрал у меня прибор и начал шарить среди вещей на полу.

Найдя красный и черный провода с клеммами на концах, он подсоединил их к тестеру.

⁴ Тайфун «Вера», также известный как тайфун Исэван, обрушившийся на Японию в сентябре 1959 года.

– Делаем вот так. – Мужчина прижал красный провод с клеммой к одному концу батарейки с надписью «бритва», а черный – к другому. – Посмотри сюда.

Так как обе руки учителя были заняты, мужчина указал на шкалу тестера подбородком. Стрелка мелко подрагивала. Стоило отдалить клеммы от батарейки – и стрелка замирала, а если приблизить снова – начинала колебаться.

– Мотор, конечно, не запустит, но небольшой заряд еще есть.

Учитель принялся проверять заряд батареек, поднося их к тестеру одну за другой. Почти все они были полностью разряжены, но изредка стрелка прибора все-таки двигалась, и тогда учитель тихонько восклицал: «О!»

– Еще не совсем сели, – заметила я, на что учитель едва заметно кивнул.

– Правда, скоро заряд кончится, – ответил он медленно.

– Так и пролежат в комоду до самого конца...

– Ну, получается, что так.

Какое-то время мы молча любовались луной, но потом учитель бодрим голосом предложил:

– Ну что, еще по чуть-чуть? – и налил sake в чашки. – Ой, тут, кажется, еще остался чай, – заметил он тут же.

– Получается sake с чаем.

– Ну нет, sake разбавлять нельзя.

– Ничего страшного, учитель.

С этими словами я разом осушила чашку. Учитель же пил мелкими глотками. Ярко светила луна.

Вдруг он прочел звучным голосом:

*Меж ивовых ветвей
Река белеет в ночи.
В туманных полях...*

– Что это? Что-то из буддизма? – поинтересовалась я.

Учитель посмотрел на меня возмущенно:

– А ты, смотрю, совсем не слушала меня на уроках.

– Этого мы не проходили!

– Как же? Это же Ирако Сэйхаку⁵! – произнес он самым учительским тоном.

– Никогда о таком не слышала. – Я взяла бутылку и налила в свою чашку еще sake.

– Где же это видано, чтобы женщина сама себе наливала sake! – рассердился учитель.

– Какой вы старомодный.

– Ну и что с того? – пробормотал он, наполняя свою чашку.

А потом он продолжил читать стихотворение:

*В туманных полях
Тихо флейта звучит,
Пленяя сердце странника.*

Читал он сосредоточенно, закрыв глаза и словно вслушиваясь в собственный голос. Я же рассеянно рассматривала батарейки, тихо лежавшие в тусклом свете. Луна снова скрылась в облачной дымке.

⁵ Ирако Сэйхаку (1877–1946) – японский поэт.

Цыплята

Учитель предложил вместе сходить на базар, что организывают три раза в месяц.

– Базар у нас бывает восьмого, восемнадцатого и двадцать восьмого числа каждого месяца. В этот раз двадцать восьмое число как раз выпадает на воскресенье – ты, думаю, должна быть свободна, – с этими словами учитель достал из черного портфеля блокнот.

– Двадцать восьмое, говорите? – Я медленно пролистала свой ежедневник. Конечно же, на названную дату у меня не было никаких планов, но я ответила с крайне важным видом: – Да, двадцать восьмого я вполне свободна.

Учитель взял толстую авторучку и красивым почерком вывел на странице двадцать восьмого числа: «Поход на базар с Цукико. Встречаемся в полдень на автобусной остановке».

– Встретимся в полдень, – сказал мужчина, убирая блокнот в портфель.

Встреча с ним среди бела дня – большая редкость. Обычно наши встречи проходят в полутемном баре, где мы садимся рядом и Выпиваем, используя в качестве закуски холодный или отварной тофу⁶ – это зависит от сезона. К тому же эти встречи обычно бывают случайны. Временами мы не видим друг друга по несколько недель, временами – встречаемся едва ли не каждый вечер.

– А что продают на базаре? – спросила я, наливая себе саке.

– Как и на всяком базаре – разные нужные в быту вещи.

Идея пойти вместе с учителем рассматривать разные бытовые товары показалась мне странной, ну да ладно. Я тоже записала в свой ежедневник: «В полдень на автобусной остановке».

Учитель медленно осушил свою чарку и снова наполнил ее. саке он наливал с легким бульканьем, немного наклонив бутылочку к маленькому сосуду. Однако он держал бутылочку не впритык, а поднимал ее над столом и наклонял, держа даже выше, чем чарку. саке текло тонкой струйкой, словно чарка его притягивала. Ни капли не проливалось мимо. Потрясающее мастерство. Я как-то раз попыталась повторить за учителем, но у меня ничего не вышло – я

⁶ Пищевой продукт из соевых бобов. Традиционный компонент восточноазиатской и юго-восточной азиатской кухни.

почти все пролила. Полный провал. С тех пор я совершенно не изящно наливала sake, крепко держа чарку в левой руке, а правой максимально приближая к ней бутылочку.

К слову, как-то раз один из коллег сказал, что я не умею соблазнительно подавать алкогольные напитки. Понятие соблазнительности жутко устарело, но ожидание соблазнительности от женщины, просто подающей алкогольные напитки, еще более старомодно. Удивленная, я пристально уставилась на коллегу. Уж не знаю, что он себе вообразил, но после бара он попытался меня поцеловать. «Ну уж нет!» – решила я и оттолкнула его.

– Не бойся, – прошептал коллега, убирая мои руки и снова приближая свое лицо к моему.

Как старомодно... Едва сдерживая смех, я с самым серьезным выражением лица сказала:

– Сегодня неподходящий день.

– Неподходящий день?

– Сегодня несчастливый день. Завтра – тоже, двадцать седьмой день шестидесятидневного цикла⁷.

– Чего?..

Оставив ошарашенного коллегу одного в темноте, я убежала и скрылась в метро. Спустившись по лестнице, я еще некоторое время продолжала бежать. Убедившись, что коллега не побежал следом, я сходила в уборную и тщательно вымыла руки. Глядя на себя в зеркало, я захихикала.

Учитель не любит, когда алкоголь наливает кто-то другой. И sake, и пиво он всегда наливает себе сам. Однажды мне довелось налить учителю пива. В тот миг, когда я наклонила бутылку к его бокалу, он лишь немного сдвинулся – на волос, ну, может, на три. Но ничего не сказал. Когда бокал был наполнен, учитель тихонько поднял его, чуть слышно произнес: «До дна!» – и махом выпил. Осушив бокал, он немного закашлялся. Сразу видно – торопился, хотел выпить как можно быстрее. Следующий бокал он налил сам, и когда я подняла бутылку, собираясь долить, учитель выпрямился и отказался:

– Спасибо, но не надо – я предпочитаю наливать себе сам.

С тех пор я больше не пыталась ему налить. А вот учитель временами мне наливал.

На остановку я пришла первой, учитель подошел через несколько минут. Оба мы явились раньше назначенного времени: я – на пятнадцать минут, он – на десять. День выдался ясный.

– Как дзельквы расшумелись, – заметил учитель, глядя на раскидистые деревья рядом с остановкой.

Густые ветви дзелькв и правда раскачивал ветер. Он не казался таким уж сильным, но где-то высоко над нами широко разлетались маленькие веточки. Стояла летняя жара, но влажность была низкая, так что в тени было прохладно.

Мы доехали на автобусе до храмового квартала и прошли немного пешком. На учителе были стильная гавайская рубашка и панама.

– А вам идет, – заметила я.

– Да ладно тебе, – быстро ответил мужчина и ускорил шаг.

Какое-то время оба мы молча двигались быстрым шагом, но потом учитель, чуть замедлившись, спросил:

– Не хочешь перекусить?

– Да я скорее слегка запыхалась, чем голодная, – улыбнулась я, на что он промолвил:

– А тебе бы только шутить, Цукико.

– Я и не шучу. Зато вы у нас модник...

Но учитель, ничего не ответив, вошел в двери ближайшего бэнто-кафе.

⁷ Речь идет о китайской системе летоисчисления гань-чжи (шестидесятилетний цикл), основанной на комбинации десятичного и двенадцатеричного циклов.

– Особое бэнто со свининой и кимчи, пожалуйста, – обратился он к сотруднице заведения и снова повернулся ко мне, словно спрашивая: «А ты что возьмешь?»

В меню кафе было столько блюд, что я вообще ничего не понимала. На миг мой взгляд остановился на бэнто с яичницей-глазуньей, но мне не понравилось, что там именно глазунья, а не просто желток. Вот уж правда, стоит растеряться на миг – и все, становишься бесконечно нерешительным.

– Мне тоже бэнто со свининой и кимчи. – В итоге я заказала то же блюдо, что и учитель. Мы присели на лавку в уголке зала в ожидании заказа.

– А вы, смотрю, привыкли заказывать еду в кафе, – заметила я, на что он кивнул.

– Я ведь один живу. А ты сама готовишь?

– Когда в отношениях – готовлю, – поведала я, и учитель кивнул с серьезным видом:

– Ну, это-то само собой. Может, и мне подружку завести?.. Или двух.

– Две-то вам зачем?.. Не потянете ведь.

– Больше двух – точно не потяну.

Пока мы вот так болтали всякий вздор, наш заказ приготовили. Сотрудник кафе заботливо положил два разных по размеру бэнто в пакеты.

– Что-то размер разный, – шепотом произнесла я учителю, – хотя заказывали одно и то же...

– Ты же заказала обычное бэнто, а не особое, – так же тихо проговорил мужчина.

Когда мы покинули кафе, ветер усилился. Учитель взял пакет с бэнто в правую руку, а левой придерживал панаму.

Вдоль дороги стали появляться торговые палатки. В одних продавались таби⁸ на резиновой подошве, в других – складные зонты, в третьих – поношенная одежда, в четвертых – книги, старые и новые вперемешку... Постепенно такие ларьки заполнили все пространство по обеим сторонам дороги.

– Сорок лет назад, во время тайфуна, здесь все затопило.

– Сорок лет назад?

– Людей тоже погибло немало.

Учитель сказал, что тогда же здесь и стали проводить базары. На следующий год после наводнения рынок стал меньше, но еще через год базар стали проводить трижды в месяц. Торговая площадь ширилась год от года, теперь она простирается аж до следующей автобусной остановки, и киоски вдоль дороги работают и помимо базарных дней.

– Сюда, – позвал учитель, сворачивая с дороги и входя в небольшой парк.

Парк был безлюден. На дороге было полно народу, но здесь, в парке, всего в паре шагов от нее стояла абсолютная тишина. Учитель подошел к торговому автомату у входа и купил две бутылки зеленого чая.

Сев рядом на скамейку, мы открыли бэнто. Сразу же запахло кимчи.

– А у вас особое бэнто, да?

– Совершенно верно, особое.

– Интересно, чем же оно отличается от обычного.

Мы оба пристально воззрились на два бэнто.

– Кажется, никакой особой разницы нет, – весело сказал мужчина.

Я сделала глоток чая. Несмотря на ветер, в такой жаркий летний день очень хотелось пить. Холодный чай приятно увлажнял горло.

– Как ты аппетитно ешь, – заметил учитель с легкой завистью, глядя, как я поливаю рис бульоном от свинины с кимчи. Сам он уже все съел.

⁸ Традиционные японские носки высотой до лодыжки с отделенным большим пальцем. Носятся с традиционной японской обувью с ремешками.

– Уж простите, что не соблюдаю манеры.

– Манеры у тебя и правда не очень. Но ешь ты весьма аппетитно, – повторил свои недавние слова мужчина, закрывая пустую коробку от бэнто и возвращая на место скреплявшую ее резинку.

Парк был засажен попеременно дзельквами и сакурами. Наверное, парк довольно старый – деревья сильно выросли.

Когда мы прошли мимо бакалейных магазинчиков, стало больше ларьков с едой. Где-то продавались бобовые, где-то – самые разные морепродукты, где-то – разложенные по корзинкам мелкие креветки и рачки, а где-то – бананы. Учитель останавливался у каждого из них и заглядывал внутрь, чуть отойдя от входа в ларек и приосанившись.

– Смотрите, какая тут свежая рыба.

– Над ней летает много мух.

– Ничего удивительного, мухи всегда летают в таких местах.

– Учитель, может, купите вон ту курицу?

– О, живая курица. Нет, ощипывать уж слишком сложно.

Мы рассматривали товары в магазинах, болтая обо всякой ерунде. Киосков становилось все больше. Продавцы в стоящих вплотную друг к другу ларьках наперебой зазывали покупателей.

– Мам, эта морковка выглядит вкусной, – сказал ребенок матери, нагруженной сумками с покупками.

– Так ты же морковку не любишь, – удивилась та.

– Но она же такая аппетитная! – самым умным тоном объяснил ребенок.

– О, мальчик, а у тебя глаз наметан! У нас вкуснейшие овощи! – громко похвалился хозяин ларька.

– Интересно, а морковь и правда такая вкусная? – Учитель внимательно пригляделся к товару.

– По-моему, самая обычная морковка.

– Хмм...

Панама учителя немного съехала набок. Мы шагали, влекомые окружающей толпой, и порой я теряла его из виду. В такие моменты я искала учителя, следуя за макушкой его панамы – только ее и было видно в толпе. Сам же мужчина совершенно не обращал на меня внимания. Он замирал у каждого заинтересовавшего его киоска, словно собака, что останавливается у каждого столба.

Мать с ребенком, которых я видела недавно, стояли у палатки с грибами. Учитель стоял позади них.

– Мам, эти бамбуковые грибы выглядят вкусными.

– Так ты же бамбуковые грибы не любишь.

– Но они же такие аппетитные!

Между мамой и сыном состоялся точно такой же диалог, как в прошлый раз. Учитель радостно возвестил:

– Похоже, подставные покупатели!

– Мать с ребенком – хорошо придумали...

– Но бамбуковые грибы – это уже перебор.

– Почему это?

– Лучше бы выбрали хотя бы грифолу.

Лавочек с едой становилось все меньше, теперь их сменили магазины с электроникой и бытовой техникой. Компьютеры, телефоны, небольшие холодильники – множество приборов самых разных цветов и моделей. На старом граммофоне проигрывалась пластинка с музыкой.

Слышался низкий звук скрипки, игравшей простую старомодную мелодию. Учитель внимательно дослушал до самого конца.

День был еще в самом разгаре, но в воздухе уже потихоньку разливался вечер. Пик жары остался позади.

– Пить не хочешь? – спросил учитель.

– Но мы же вечером собрались выпить пива, а до тех пор ничего пить не буду, – ответила я, и учитель удовлетворенно кивнул:

– Правильный ответ.

– А это что, проверка?

– В плане алкоголя ты весьма прилежна. А вот оценки по родному языку оставляли желать лучшего...

Мы подошли к палатке с кошками. Там были и новорожденные котята, и большие, жирные взрослые коты. Ребенок выпрашивал у мамы котика. Это были уже знакомые подставные покупатели.

– У нас негде держать кошку, – возражала мама.

– Ничего страшного, будет жить на улице, – тихо ответил ребенок.

– А она там выживет вообще?

– Да все будет нормально, как-нибудь справится.

Хозяин магазина молча слушал их диалог. В итоге ребенок показал пальцем на маленького полосатого котенка. Продавец завернул котенка в мягкую ткань и передал покупательнице, а та в свою очередь осторожно переместила малыша в корзинку с покупками. Из корзинки послышалось его тихое мяуканье.

– Цукико, – вдруг обратился ко мне учитель.

– Да?

– Я тоже, пожалуй, куплю.

Но учитель не остался в палатке с кошками – он подошел к магазинчику с птенцами. Там он четко произнес:

– Одного петушка и одну курочку, пожалуйста.

Птенцы были разделены на две стайки. Продавец вытащил по одному из каждой и осторожно поместил их в отдельные маленькие коробочки.

– Пожалуйста. – Он передал коробочки покупателю.

Учитель с трепетом принял свою покупку. Держа коробочки в левой руке, правой он достал из кармана кошелек и передал мне.

– Извини, можешь заплатить?

– Давайте я лучше коробочки подержу.

– Ладно.

Панама на голове учителя покосилась еще сильнее. Вытирая платочком пот, он заплатил продавцу за цыплят. Убрав кошелек в нагрудный карман, мужчина чуть поколебался и решил снять панаму. Потом он перевернул ее и, взяв из моих рук коробочки с цыплятами, осторожно устроил их в шляпе. Дальше он шел, бережно держа импровизированную сумку под мышкой.

Дойдя до остановки, мы сели на автобус и поехали обратно. В этот раз пассажиров было меньше. А вот на рынке людей снова прибавилось – похоже, настало время вечернего шопинга.

Я заметила:

– Говорят, определить пол цыпленка не так-то просто.

Учитель хмыкнул:

– Это я и так знаю.

– Да?

– Мне все равно, какого пола эти цыплята.

– Все равно?

- Абсолютно. Если бы взял только одного – ему было бы плохо.
- Поэтому вы взяли сразу двух?
- Ну да.

Интересная причина, конечно... Все еще думая об этом, я вышла из автобуса и последовала за учителем, решившим отправиться в наш привычный бар. Учитель сразу же сделал заказ – пиво. Две бутылки. А еще бобы. Пиво и стаканы были поданы немедленно.

– Учитель, давайте я вам налью? – предложила я, но мужчина отрицательно покачал головой.

– Нет, спасибо, я сам. Могу и тебе налить. – Он снова не позволил мне ничего сделать.

– Вы не любите, когда вам наливает кто-то другой?

– Ну почему же? Если человек умеет это делать, я совсем не против. Только вот ты не умеешь...

– Все с вами ясно.

– Могу научить, если хочешь.

– Спасибо, обойдусь.

– Какая ты упрямая.

– Вы не лучше.

Учитель налил пиво в стакан. Пена наверху застыла, как будто твердая.

– Где собираетесь держать цыплят? – поинтересовалась я.

– Какое-то время поживут у меня дома, – ответил он.

Из шляпы – а точнее, из лежащих в ней коробочек – доносился писк малышей.

– Вам нравится ухаживать за животными? – спросила я.

– Правда, не то чтобы у меня это хорошо получалось.

– Вы вообще справитесь?..

– Ну, цыплята не слишком милые, так что...

– А какая разница, милые они или нет? Чем менее милые лучше-то?

– С милыми питомцами легко увлечься, знаешь ли.

Цыплята шумно возились в своих коробочках. Учитель уже осушил свой бокал, поэтому я налила ему еще пива. Он не отказался – только тихонько давал указания: «Побольше пены, да-да, вот так».

– Ладно, надо бы поскорее выпустить цыплят из коробок – им там тесно, – объявил учитель, и в этот раз мы ограничились только пивом.

Доев бобы, печеный баклажан и закуску из осьминога с васаби, мы расплатились каждый за себя и покинули заведение.

Солнце уже почти село. Интересно, а те подставные покупатели с рынка уже поужинали? Как там котенок, которого они купили?..

На западном краю неба еще догорал закат.

22 звезды

Мы с учителем не разговариваем.

Нет, наши встречи не прекратились. Мы все так же частенько видимся все в том же баре, но не обмениваемся ни единым словом. Заходя в зал, оглядываемся в поисках друг друга – и, найдя, продолжаем упорно игнорировать. И учитель, и я одинаково делаем вид, что не знакомы.

Началось это примерно тогда, когда на доске с сезонным меню начали появляться блюда, подаваемые в кастрюльке – получается, прошел уже почти целый месяц. Почти целый месяц мы, даже оказываясь на соседних стульях за стойкой, не говорим друг другу ни слова.

Все началось с радио.

Шла радиотрансляция бейсбольного матча. Соревнование уже подходило к концу. Радио в баре включают нечасто, поэтому я сидела и рассеянно слушала эфир, положив локти на стойку и попивая подогретое саке.

Некоторое время спустя дверь бара открылась, и в зал вошел учитель. Он присел за стойку рядом со мной и спросил у хозяина заведения:

– Что сегодня из горячего?

На полках стояло множество однопорционных алюминиевых кастрюлек, устроенных одна в другую.

– Треска с тофу и овощами.

– О, замечательно.

– Будете заказывать? – спросил хозяин бара, но учитель отрицательно покачал головой.

– Нет, пожалуй, лучше солёный морской еж.

«Как всегда непредсказуем», – подумала я, слушая их диалог.

Тем временем третий бэттер атакующей команды далеко отбил мяч, и гул поддержки на трибунах стал громче.

– А ты за какую команду болеешь? – обратился ко мне учитель.

– Ни за какую, – ответила я, наполняя чарку теплым саке. Я заметила, что все в зале внимательно слушали трансляцию.

– А я, само собой, болею за «Гигантов». – Мужчина одним махом осушил бокал пива и переключился на саке.

Сейчас он мне казался каким-то более... увлеченным, что ли?.. – чем обычно. Чего это он?..

– Само собой, говорите?

– Конечно.

В эфире был матч «Yomiuri Giants»⁹ с «Hanshin Tigers»¹⁰. Любимой команды у меня, конечно, нет, но вот «Гигантов» я терпеть не могу. Раньше я была откровенным антифанатом этой команды. Но как-то раз мне кто-то сказал, что антифанаты – на самом деле просто упрямцы, которые не могут прямо сказать, что им нравится эта команда. Это меня задело, и с тех пор я вообще перестала упоминать даже название «Гигантов». За матчами я тоже следить перестала. Честно говоря, я уже и сама не знаю, люблю я «Гигантов» или ненавижу – все слишком запуталось.

Учитель медленно наклонил бутылочку с саке. При каждом страйке питчера «Гигантов», при каждом ударе их бэттера он кивал.

– Что с тобой такое? – спросил учитель, когда после семи хоум-ранов «Гиганты» вырвались вперед на три очка. – Я вижу, ты дрожишь.

Когда разница в счете начала увеличиваться, меня начало трясти.

– К ночи холодает, – ответила я отстраненно, глядя не на учителя, а куда-то в потолок.

В этот момент игрок «Гигантов» отбил мяч.

– О! – выкрикнул учитель, а я почти в одно время с ним пробормотала:

– Черт подери...

И без того серьезная разница в счете выросла до четырех очков, и в зале поднялся шум. И откуда только тут столько болельщиков «Гигантов»?.. Кошмар.

– Ты не любишь «Гигантов»? – удивился учитель, когда во второй половине девятого иннинга «Тигры» уже дважды выбили мяч в аут.

Я молча кивнула. В зале царил тишина – почти все посетители сосредоточенно слушали радио. Мне же было беспокойно: я давно уже не следила за матчами, и во время первой за долгое время трансляции мне попала игра ненавистной команды... Я совершенно четко осознала: нет, я – не латентный фанат «Гигантов», я – самый настоящий их антифанат.

– Я их просто ненавижу, – произнесла я низким голосом.

Учитель, изумленно распахнув глаза, пробормотал:

– Чтобы японка – и ненавидела «Гигантов»?..

– Что за предрассудки! – возмутилась я, и почти одновременно с этим последний бэттер «Тигров» получил страйк-аут.

Учитель встал со стула и высоко поднял стакан. По радио объявили о завершении матча, и зал снова зашумел. Отовсюду посыпались заказы то на выпивку, то на закуски, и хозяин заведения едва успевал громко отвечать каждому «Сейчас!».

– Цукико, это победа! – воскликнул учитель и с улыбкой наклонил свою бутылочку с саке к моей чарке.

Какая редкость! Обычно мы старались не притрагиваться к выпивке и закуске друг друга. Заказы мы делали по отдельности. Выпивку тоже каждый наливал себе сам. И рассчитывались мы отдельно. И менять это правило мы вроде как не собирались. Но вот – учитель наливает саке в мою чарку. Негласное правило нарушено. И это тоже вина «Гигантов». Как они смеют так бесстыдно сокращать такую комфортную дистанцию между нами! Чертовы «Гиганты»!..

⁹ Японская профессиональная бейсбольная команда из Токио, выступающая в Центральной лиге профессионального бейсбола Японии.

¹⁰ Профессиональная бейсбольная команда компании Nirrop из префектуры Хёго, выступающая в Центральной лиге профессионального бейсбола Японии.

– И что? – спросила я очень низким голосом, отодвигая руку мужчины.

– Нагасима отлично справился. – Учитель ловко наполнил мою чарку. Он не пролил ни капли. Как всегда идеально.

– О, это и правда было потрясающе превосходно! – Я отвернулась, поставив на стол нетронутую чарку.

– Так не говорят, это тавтология.

– Простите-извините.

– Питчер тоже молодец, – заметил учитель, смеясь.

Я же в глубине души ругала его – чему тут улыбаться, умник?! А он продолжал смеяться. Всегда тихий, сейчас он громко хохотал.

– Может, хватит? – уставилась я на учителя.

Но смеяться он не прекратил, и было в его смехе что-то странное. Что-то похожее на радость мальчишки, с довольным видом давящего муравьев.

– А вот не хватит!

Это что же получается? Учитель, зная, что я ненавижу «Гигантов», попросту насмеялся надо мной! Ему было весело!

– Знаете что? Дерьмо эти ваши «Гиганты»! – возмутилась я и вылила все содержимое своей чарки в пустую.

– «Дерьмо», значит... Не слишком подходящее для юной леди слово, – заметил учитель совершенно спокойным голосом. Выпрямившись даже сильнее обычного, он осушил свою чарку.

– Никакая я не «юная леди».

– Ох, прошу прощения за грубость.

В воздухе между нами повисло напряжение. Учитель оказался в более выигрышном положении, ведь «Гиганты» все-таки победили. Какое-то время мы в молчании выпивали, даже не заказывая закуски, мы просто осушали чарку за чаркой. В итоге мы оба здорово напились. Все так же молча расплатившись, вышли из бара и разошлись по домам. С тех пор мы ни разу не разговаривали.

Кстати, я, оказывается, провожу время только с учителем. Ни с кем другим я в последнее время не выпивала в баре, не прогуливалась по городу и не ходила смотреть на что-нибудь интересное. А с кем я проводила столько же времени до встречи с учителем? Я пыталась вспомнить, но ничего на ум не приходило.

Все верно – я была одна. Одна ездила на автобусе, одна ходила по городу и за покупками, одна выпивала. Правда, сама я не изменилась – рядом с учителем я чувствовала себя, в общем-то, точно так же, как и раньше, когда все делала одна. Раз так, то, кажется, нет никакой необходимости искать встречи с учителем, но быть рядом с ним как будто более... правильно? Хотя и «правильно» звучит как-то странно. Наверное, это что-то вроде того, как порой хочется взять купленную книгу и поставить ее на полку, не снимая с обложки рекламную бумажку. Интересно, а если бы учитель узнал, с чем я его сравниваю, он бы рассердился?..

Так вот, пока мы с ним игнорируем друг друга в баре, мы похожи на книгу и ту самую рекламку, почему-то лежащие отдельно друг от друга. Но и просто взять и исправить эту неправильную ситуацию я не могу. Учитель, полагаю, думает точно так же. А значит, мы так и продолжим делать вид, что незнакомы.

Как-то раз мне пришлось по работе съездить на Каппабаси. День стоял ветреный, и в одном тонком пиджаке было холодно. Это был уже не промозглый осенний ветер, нет. В тот день ветер дул уже совершенно зимний, холодный и резкий.

На Каппабаси много оптовых магазинов посуды. Там продается разная кухонная утварь: кастрюли, горшки и котелки, миски, тарелки и прочая мелочь. Так что, закончив с делами, я бесцельно бродила по магазинам, рассматривая ассортимент. Вот стоят, вставленные одна в

другую, медные кастрюли. Все они одинаковые, отличаются только размером – каждая следующая чуточку меньше предыдущей. А перед входом в магазин установлен огромный глиняный горшок.

В магазинах много самых разных лопаточек и деревянных ложек, есть и лавки с ножами. За стеклом витрины видны разные ножи – большие ножи, ножи для овощей, ножи для сашими... Есть даже кусачки для ногтей и садовые ножницы.

Привлеченная блеском ножей, я зашла в магазин и увидела в уголке множество терок. На ручке, на которой они висели, был прикреплен лист плотной бумаги с надписью: «Распродажа терок».

Взяв в руки одну из них, я спросила у продавщицы:

– Почему такая?

– Тысяча иен, – ответила девушка в фартуке. – Ровно тысяча, вместе с налогом.

Речь ее была немного нечеткой – я с трудом разобрала конец фразы. Заплатив тысячу иен, я забрала свою терку и покинула магазин.

Вообще-то, терка у меня уже была. Но такое уж это место – каждый раз хочется купить хоть что-нибудь. В прошлый раз, например, я купила большую железную кастрюлю. Я подумала, что она пригодится, если соберется много гостей. Только вот я почти никогда столько народу не приглашаю... Да даже если гости и собирались, я никак не могла придумать, что же приготовить в такой непривычно большой кастрюле. В итоге она так до сих пор и стоит в кухонном шкафу.

А терку я купила, решив подарить ее учителю. Любуясь сверкающей сталью ножей, я почему-то захотела встретиться с ним. Я захотела встретиться с ним, пока рассматривала острейшие ножи, одно прикосновение к которым грозило закончиться порезом. Не знаю уж, почему сверкание лезвий вызывало такие чувства, но мне ни с того ни с сего захотелось познакомиться с учителем.

Я хотела купить большой кухонный нож и потом подарить его учителю, но в его доме такой подарок казался неуместным. Он совершенно не подойдет к той влажной, сумрачной атмосфере, что царит в жилище мужчины. Поэтому я решила купить хорошо наточенную терку. Тем более обошлась она всего в тысячу иен. Было бы обидно потратить в десять раз больше и не получить никакого результата.

Не думаю, что учитель – настолько бессердечный человек, но он – неисправимый фанат «Гигантов», поэтому полностью доверять ему я не могу.

И вот какое-то время спустя я наткнулась на учителя в том самом баре. Он по-прежнему притворялся, что не знает меня, и я, невольно поддавшись его настроению, делала точно так же.

Он сидел за стойкой через два стула от меня. Между нами сидел одинокий мужчина. Он читал газету, потягивая саке. А за ним, закрытый от меня газетой, был учитель. Он заказал себе отварной тофу, и я попросила то же блюдо.

– Холодно сегодня, – заметил бармен, и учитель кивнул.

– И правда, – кажется, таким был тихий ответ учителя, но за шуршанием газеты я ничего не расслышала.

– Действительно, что-то резко похолодало, – согласилась я, прячась за газетой в руках незнакомца, и учитель бросил взгляд в мою сторону. Он выглядел слегка удивленным.

Наверное, мне стоило хотя бы приветственно кивнуть, но я не могла пошевелиться и сразу же отвернулась. Я буквально почувствовала, как позади мужчины с газетой учитель медленно повернулся ко мне спиной.

Нам обоим подали заказанное, и мы одновременно и с одной скоростью начали есть тофу, затем – все так же с одной скоростью – опустошили чарки, и пьянели мы тоже одинаково. Мы оба нервничали, а потому алкоголь одурманивал меньше обычного.

Мужчина с газетой даже не думал уходить, и мы с учителем, сидя по обе стороны от него все так же спиной друг к другу, продолжали демонстрировать спокойствие.

– Вот и закончился национальный чемпионат, – обратился незнакомец с газетой к бармену.

– Ну так уже скоро зима.

– Не люблю холода.

– Зато зимой еда вкусная.

Незнакомец и бармен непринужденно беседовали. Учитель повернул голову. Кажется, он смотрел на меня – я почувствовала его взгляд и тоже осторожно повернулась.

– Может, подсядешь поближе? – тихим голосом предложил учитель.

– Хорошо, – так же тихо ответила я.

Между учителем и женщиной с газетой было свободное место. Предупредив бармена, я взяла бутылочку и чарку и перебралась туда.

– Здравствуйте, – поприветствовала его я, и учитель чуть слышно, почти не открывая рта, промолвил:

– Ага.

А потом мы оба, повернувшись лицом друг к другу, продолжили пить порознь – каждый наливал сам себе.

Расплатились мы тоже отдельно. Когда вышли из бара, на улице было гораздо теплее, чем я ожидала, а в небе сверкали звезды. Кажется, в этот раз мы просидели дольше обычного.

– Учитель, это вам. – Я протянула ему немного скомкавшийся сверток, который я уже какое-то время мяла в руках.

– Что это? – Взяв сверток, мужчина поставил свой портфель на землю и аккуратно развернул упаковочную бумагу.

В ней обнаружилась маленькая терка. Она ярко сверкала в тусклом свете, пробивавшемся из-за вывески. Кажется, ее блеск стал даже ярче, чем в магазине.

– Что это, терка?

– Ну да, терка.

– Это мне?

– Да, вам.

Этот наш диалог казался несколько насмешливым – таким, как все прочие наши разговоры. Посмотрев в небо, я почесала макушку. Учитель же бережно завернул терку обратно в бумагу и, убрав мой подарок в портфель, выпрямился и зашагал дальше.

Я шла, считая звезды. Шагая чуть позади учителя, смотрела в ночное небо и считала. Когда счет дошел до восьми, мой спутник вдруг прочитал:

Сливы расцвели.

В гостинице Марико¹¹

Суп из ямса.

– И что это? – поинтересовалась я, отчего учитель, покачив головой, посетовал:

– Надо же, ты даже Басё не узнаешь...

– Так это Басё?

– Басё, конечно, – кивнул он. – Проходили ведь, хоть и давно.

Я такого стихотворения не помнила. Учитель шагал быстро, и расстояние между нами все увеличивалось. Глядя на его спину, я сказала:

– Вы идете слишком быстро!

Ответа не последовало. Я, несколько раздраженная такой реакцией учителя, повторила с какой-то издевательской интонацией:

¹¹ Чайный дом на тракте Токайдо.

– В гостинице Марико суп из ямса...

Какое-то время он даже не оборачивался, но потом остановился и сказал:

– Давай как-нибудь вместе приготовим суп из ямса? Стихотворение, конечно, весеннее, но ямс вкуснее всего именно сейчас. Я как раз опробую твой подарок, а ты будешь толочь в ступке.

Стоя чуть впереди меня, он по-прежнему не поворачивался в мою сторону, но говорил привычным тоном. Я же продолжала считать звезды в нескольких шагах позади. Когда я досчитала до пятнадцати, наши дороги разошлись.

Поход за грибами (часть первая)

Понятия не имею, что я тут делаю. Да и вообще – зачем учитель заговорил о грибах?..

– Знаешь, я люблю грибы, – радостно заявил он тем прохладным осенним вечером, присанившись за стойкой в баре.

– Рядовки? – предположила я, но он отрицательно качнул головой:

– Рядовки – это, конечно, тоже хорошо...

– Но?

– Но выделять из всех грибов одни только рядовки – такое же ненужное упрощение, как сводить весь бейсбол к одним «Гигантам».

– Так вы же любите «Гигантов», разве нет?

– Безусловно. Однако также я признаю, что они – не единственная хорошая бейсбольная команда.

А ведь не так давно эти же самые «Гиганты» стали причиной нашей с ним размолвки...

С тех пор мы оба начали относиться к теме бейсбола с большой осторожностью.

– Грибы тоже бывают разные.

– Что?..

– Например, фиолетовые рядовки лучше жарить сразу, свежесобранными – с соевым соусом получается невероятно вкусно.

– Да?

– Уж поверьте. Или, скажем, болетовые грибы. Тоже очень ароматные.

– Вот как?

Пока мы беседовали, из-за стойки показалось лицо хозяина бара.

– А вы, смотрю, отлично разбираетесь в грибах? – заметил он.

– Да ну что вы! – заскромничал учитель, сохраняя, тем не менее, важный вид.

– Я каждый год примерно в это время хожу за грибами, – сообщил бармен.

Вытянув шею, он медленно приближал лицо к нам, чем напоминал взрослую птицу, кормящую своих птенцов.

– Да? – ответил на реплику бармена учитель тем же самым тоном, каким обычно я реагирую на его собственные фразы.

– А раз уж вы так любите грибы, – продолжал бармен, – не хотите ли отправиться в лес вместе?

Мы с учителем переглянулись: пусть мы и наведываемся сюда чуть ли не через день, мы ни разу не замечали, чтобы к нам относились, как к постоянным клиентам, и тем более – вдруг по-дружески вклинивались в разговор. В этом заведении принято встречать каждого посетителя так, словно он пришел в первый раз. И вдруг бармен пригласил нас пойти за грибами, ну надо же...

– Куда планируете поехать? – поинтересовался учитель, на что хозяин заведения ответил, еще сильнее вытянув шею:

– Недалеко от Тотиги.

Мы снова переглянулись, а бармен, все так же вытянув шею, ждал ответа.

– Что думаете? – обратилась я к своему спутнику, и почти одновременно с моим вопросом он сказал:

– А давай съездим.

Вот так мы и решили поехать за грибами в Тотиги. Ехать нам всем предстояло на машине бармена.

Вообще, в машинах я совершенно ничего не понимаю. Учитель, скорее всего, тоже. Так что все, что я могу сказать о машине владельца нашего бара – она была белая и по форме походила на ящик. Она не имела ничего общего с распространенными в наше время автомобилями обтекаемой формы. Это была старенькая машина – такие простые четырехугольные формы кузова чаще встречались больше десяти лет назад.

Мы договорились встретиться перед баром в шесть утра в воскресенье. Поэтому я поставила будильник на полшестого, а утром, даже толком не умываясь, взяла пахнущий плесенью рюкзак, который вытащила из шкафа еще с вечера, и вышла из дома. В свежем утреннем воздухе звук запираемого замка прозвучал неожиданно громко. Несколько раз зевнув, я направилась к бару.

Учитель был уже там. Он стоял, выпрямившись, со своим обычным портфелем в руках. Багажник машины, на которой нам предстояло ехать, был распахнут, наполовину скрывая хозяина.

– Что у вас там? Грибничьи инструменты? – спросил учитель, на что мужчина ответил, не меняя положения тела:

– Нет. Это все мне нужно отвезти кузену в Тотиги.

Голос хозяина бара раздавался откуда-то из глубины багажника. Там были несколько бумажных пакетов и один длинный прямоугольный сверток. Мы с учителем увидели это все через плечо бармена.

На столбах кричали вороны: «Кар, кар, кар...» – это были громкие и резкие, поистине вороньи выкрики. Разве что чуть более расслабленные, чем обычно бывает днем.

– Это вот – рисовое печенье, а это – нори, – пояснил хозяин бара, указывая на бумажные пакеты.

– Понятно, – хором произнесли мы с учителем.

– А тут sake, – продолжил он, указывая на длинный сверток.

– Понятно. – Учитель опустил портфель вниз, а я промолчала.

– Мой кузен уж очень любит Саванои¹².

– Я тоже его люблю.

– Это хорошо. Правда, у нас в баре алкоголь из Тотиги.

Хозяин бара вел себя более расслабленно, чем на работе. Даже как будто помолодел лет на десять. Он открыл заднюю дверь – мол, садитесь, – а сам, наклонившись над водительским

¹² Бар и бренд алкогольных напитков из Токио.

сиденьем, завел двигатель. Когда мотор запустился, водитель отправился закрывать багажник. Убедившись, что мы с учителем разместились на задних сиденьях, он еще раз обошел машину по кругу, все так же стоя выкурил сигарету и уселся за руль. Пристегнувшись, водитель медленно нажал на педаль газа.

– Большое вам спасибо за приглашение, – поблагодарил учитель, на что хозяин бара обернулся и широко улыбнулся:

– Да ладно, давайте без этих формальностей.

Какая приятная улыбка... А между тем педаль газа была уже нажата, и машина потихоньку двигалась вперед, пока водитель смотрел в противоположную сторону.

– Смотрите, пожалуйста, вперед, – тихо попросила я.

– Что? – удивленно спросил он, вытягивая шею уже в мою сторону.

Вперед он не смотрел. Совсем. Так и сидел, повернувшись к нам. А машина тем временем продолжала скользить по пути.

– Смотрите на дорогу, опасно ведь...

– Вперед, вперед посмотрите!

Мы это выпалили одновременно. Машина неуклонно приближалась к столбу.

– А? – Водитель повернулся вперед и почти одновременно с этим повернул руль, уходя от столкновения. Мы с учителем облегченно выдохнули.

– Да не волнуйтесь, – легкомысленно произнес хозяин бара, прибавляя скорость.

А я никак не могла понять, как вообще оказалась с утра пораньше в незнакомой машине. Да и что из себя представляет поход за грибами, мне тоже было неясно. По моим ощущениям, это напоминало продолжение пьянки. Пока я сидела в пространных раздумьях, машина все набирала скорость.

Кажется, я успела задремать. Когда открыла глаза, мы уже ехали по горной дороге. Заснула я где-то после того, как мы свернули со скоростной трассы и выехали на какую-то другую дорогу – название я не помню.

По дороге мы беседовали о всякой всячине. Учитель рассказал, что преподавал родной язык и что мои оценки по его предмету не слишком впечатляли. Водитель же поведал, что его зовут Сатору и что в горах, куда мы едем, много оянт. Тем для разговора у нас хватало: можно было поговорить о том, какими были занятия у учителя, или, например, об оянтах, но Сатору постоянно оборачивался в нашу сторону, а потому мы старались не слишком увлекаться беседой.

Машина плавно взбиралась по склону. Сатору поднял стекло до сих пор открытого настежь окна. Мы последовали его примеру.

Немного похолодало. С гор доносилось звонкое пение птиц. Дорога становилась все уже.

Мы подъехали к развилке. В одну сторону шла асфальтированная дорога, в другую – грунтовая, покрытая галькой. Мы остановились в самом начале грунтовой дороги. Сатору вышел из машины и направился вверх по грунтовке. Мы с учителем наблюдали за ним с заднего сиденья.

– Интересно, куда это он? – недоумевала я, но учитель лишь слегка наклонил голову.

Когда я открыла окно, в машину хлынул холодный горный воздух. Птичьи голоса стали отчетливее. Солнце поднялось довольно высоко – было уже больше девяти часов утра.

– Цукико, как думаешь, мы вернемся отсюда? – вдруг спросил учитель.

– Что?..

– Мне почему-то кажется, что мы можем больше не вернуться...

– Да ладно вам! – отмахнулась я.

На это он только улыбнулся и продолжил молча смотреть в зеркало заднего вида.

– Вы, должно быть, устали, – предположила я, но учитель отрицательно покачал головой:

– Нет, совсем не устал.

- Учитель, мы вполне можем просто уехать обратно.
- Это, интересно, как?
- Ну...
- А давайте возьмем и поедем вместе куда глаза глядят?
- Что?..

Кажется, он немного развеселился. Я украдкой посмотрела на своего спутника, но не увидела ничего необычного. Спокоен, как всегда. Сидит, положив сумку рядом с собой и выпрямившись. Пока я пыталась угадать настроение учителя, с холма спустился Сатору. С ним был кто-то еще, и этот неизвестный спутник походил на нашего нового знакомого, как близнец. Двоим они открыли багажник, забрали пакеты и быстро понесли на вершину холма. Через мгновение они вернулись и одновременно закурили, стоя рядом с машиной.

– Утро доброе, – поприветствовал нас незнакомец, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

- Это и есть мой двоюродный брат Тоору, – представил мужчину Сатору.

Они и впрямь были похожи как две капли воды. Тоору буквально во всем походил на своего двоюродного брата: черты и выражение лица, телосложение и даже исходящая от него энергия напоминали Сатору.

– А вы, я слышал, любите Саваной? – обратился учитель к Тоору, а тот, не отстегивая ремня безопасности, как-то извернулся и, взглянув на нас, весело ответил:

- Совершенно верно!
- Хотя sake из Тотиги вкуснее, – продолжил Сатору, извернувшись точно таким же образом.

Машина начала подъем. Вдруг бампер коснулся ограждения, и почти одновременно с этим мы с учителем вскрикнули.

- Идиот, – спокойным тоном промолвил Тоору.

Сатору, улыбаясь, повернул руль. Мы с учителем снова выдохнули. Из леса доносились приглушенные голоса птиц.

- Вы в таком виде собрались в горы?

Минут через тридцать после того, как к нам подсел Тоору, Сатору остановил машину и заглушил двигатель. И Тоору, и Сатору, и я были в джинсах и спортивных ботинках.

Выйдя из машины, хозяин бара и его кузен сделали несколько наклонов, разминаясь. Глядя на них, и я сделала пару упражнений для растяжки. И только учитель стоял как вкопанный. Он был одет в твидовую пиджачную пару и кожаные ботинки. Костюм выглядел старым, но был хорошо пошит.

- Перепачкаетесь ведь, – продолжил свою прошлую реплику Тоору.
- Ничего страшного. – Учитель переложил свой портфель из правой руки в левую.
- Может, лучше оставить сумку в машине? – предложил Сатору.
- Да нет, ни к чему, – отказался учитель.

Мы пошли по лесной дороге. На спинах Сатору и Тоору висели похожие рюкзаки. Это были альпинистские рюкзаки, примерно на один размер больше моего. Тоору шел первым, а Сатору – последним.

- Что, подниматься оказалось неожиданно трудно? – обратился ко мне Сатору.
- Д-да уж, – ответила я, и тут же впереди раздался голос Тоору:
- Шагайте помедленнее, не спешите.

Иногда мы слышали тарахтящий звук. Учитель поднимался в обычном темпе, даже не запыхавшись. Я же уже дышала с трудом. Станный звук теперь слышался постоянно.

- Это глухая кукушка? – пытался угадать учитель.

Тоору, обернулся:

– Это дятел. С таким звуком они долбят деревья, чтобы достать жуков. Но я удивлен, что вы знаете глухую кукушку...

– Шумная птица – дятел, да? – и Сатору засмеялся.

Подъем становился все более крутым. Мы шли по узкой тропке, напоминающей зверину. По обеим сторонам тропы густо росли высокие осенние травы – они щекотали наши лица и руки. Листья на деревьях уже окрасились в красные и желтые цвета, хотя внизу, у подножия, листва еще была зеленой. Несмотря на прохладу, я вся вспотела. Наверное, дело в недостатке физической активности. А вот учитель с портфелем в руке поднимался спокойно, без усилий.

– Вы активно занимаетесь альпинизмом? – спросила я.

– Это еще даже не альпинизм, Цукико.

– Да конечно...

– Слышишь? Опять дятел добывает себе насекомых.

Слышать-то я слышала, но смотрела я все время вниз. Тоору (или Сатору – шагая с опущенной головой, я даже не понимала, откуда именно доносится звук) заметил:

– А учитель, смотрю, шагает довольно бодро.

Сатору – или, может, Тоору – ответил:

– Ага, а вот Цукико – не очень, хотя и намного моложе. Ты сможешь! – попытался он подбодрить меня.

Мне казалось, подъем никогда не закончится. К стуку дятла постепенно добавились и другие птичьи трели.

– Вроде пришли, – предположил Тоору, и Сатору поддержал:

– Да, по-моему, мы на месте.

Тоору вдруг сошел с тропы. Он уверенно шагнул вперед, хотя на земле не было никаких следов. Мне показалось, что здесь воздух стал гуще. Обернувшись, Тоору предупредил:

– Смотрите под ноги.

– Идите аккуратно, чтобы ничего не раздавить, – добавил Сатору позади меня.

Земля была влажной. Постепенно подлесок поредел, а вот деревья стояли все плотнее друг к другу. Склон стал более пологим, ноги больше не путались в траве, и идти стало заметно легче.

– Кажется, что-то нашел, – подал голос учитель. Тоору и Сатору медленно подошли к нему.

– Надо же, какая редкость. – Тоору, склонился к грибу.

– Это что, кордицепс? – спросил учитель.

– А гусеница еще большая.

– Интересно, чья она такая...

Они переговаривались как будто хором.

– Кордицепс... – тихо повторила я, а учитель взял палку, большими буквами написал это название на земле и тут же отчитал меня:

– А ты, я смотрю, и на естествознании ничего не слушала.

– Мы такого не проходили! – повысила голос я, а Тоору громко рассмеялся:

– Похоже, самому важному ты в школе не научилась, – сказал он.

Учитель выслушал его, но потом тихо заметил:

– В любом месте и в любое время можно многому научиться – было бы желание.

– Интересный у тебя учитель, – снова рассмеялся Тоору.

Учитель достал из портфеля полиэтиленовый пакет, аккуратно положил в него кордицепс и крепко завязал. Пакет он положил обратно в портфель.

– Идем дальше, нужно набрать побольше грибов, а иначе зачем вообще было ехать, – сказал Сатору и шагнул в чащу.

Мы разбрелись кто куда и пошли, внимательно смотря под ноги. Учитель в своем твидовом костюме совершенно растворился среди деревьев, как будто замаскировался. Вроде только что был здесь, но стоило ненадолго отвести взгляд – и вот его уже не видно. А когда я начинала его искать, частенько оказывалось, что он стоит прямо рядом со мной.

– А, вот вы где... – С удивлением посмотрела на него я, на что мужчина с загадочным видом захихикал:

– Да куда я не денусь!

В лесу учитель был не таким, как обычно. Он был словно животное, давно живущее в чаще.

– Учитель, – снова позвала я. Мне было не по себе.

– Я же сказал, я всегда рядом.

Да мало ли что он там сказал! Уверена, он запросто может оставить меня и уйти вперед. Он всегда уходит. Скажет что-нибудь вроде: «Экая ты безалаберная. Хотя, наверное, ты всегда такая», – и уйдет.

Где-то поблизости стучал дятел. Учитель направился дальше в лес. Я проводила его рассеянным взглядом – снова задумалась о том, как же я оказалась в таком месте. Костюм учителя мелькал среди деревьев. Откуда-то из глубины леса донесся голос Сатору:

– Здесь опята!

– Ого, сколько их тут! В прошлом году гораздо меньше было... – послышался из-за деревьев оживленный голос то ли Сатору, то ли Тоору.

Поход за грибами (часть вторая)

Я смотрела в небо. Найдя большой пень, я уселась прямо на него. И Сатору, и Тоору, и учитель ушли куда-то далеко в чащу. Стук дятла тоже звучал где-то вдали отсюда. Вместо него разнеслась другая заливистая трель.

Здесь было очень влажно. Влагой была пропитана не только почва – казалось, воздух был наполнен дыханием всего живого: и листьев, и подлеска, и грибов, и бесчисленных подземных микроорганизмов, и ползающих по земле плоских насекомых, и летающих в воздухе крылатых жуков, и сидящих на ветках птиц, и даже больших животных, что прячутся глубоко в чаще.

Неба почти не было видно – оно лишь кое-где проглядывало сквозь мелкие веточки. Эти веточки закрывали его словно мелкой частой сеткой. Когда глаза привыкли к полумраку, я начала разглядывать подлесок – там было немало всего интересного. Вот, например, мелкие оранжевые грибы. А тут мох. Что-то белое и шершавое, похожее на прожилки листа. Какой-нибудь вид плесени?.. Мертвый жук-носорог. Много разных муравьев. Какие-то многоножки. Мотылек, спрятавшийся за листом.

Надо же, как много живых существ меня окружает... Удивительно! В городе я всегда одна, иногда – вдвоем с учителем, и я думала, что по-другому быть не может. В городе живут только крупные живые существа – так я считала. Но даже в городе, если внимательно присмотреться, обнаружится множество окружающих тебя созданий. Оказалось, что мы с учителем вовсе не одиноки. Просто я даже в баре никого кроме него не замечала. А ведь там были еще и Сатору, и множества знакомых уже посетителей. Но никого из них я не воспринимала как настоящего живого человека. Я даже никогда не задумывалась о том, что они, точно так же, как и я, живут самой обычной жизнью и занимаются своими делами.

Тоору вернулся из чащи и обратился ко мне:

– Ты в порядке? – Он показал мне целую кучу грибов, едва помещавшуюся в его руках.

– В полном порядке, – заверила его я, на что Тоору сказал:

– Тогда могла бы и с нами пойти...

– Цукико у нас, знаете ли, человек несколько сентиментальный, – вдруг услышала я голос учителя, который внезапно появился из-за стоящего прямо позади меня дерева.

Уж не знаю, в цвете костюма ли дело, или в умении бесшумно передвигаться по лесу, но я его появления совершенно не заметила.

– Наверняка сидела тут в уединении и предавалась раздумьям, – продолжил учитель. Я заметила, что местами к его твидовому костюму прилипли опавшие листья.

– Знаменитая девичья сентиментальность? – рассмеялся Тоору.

– А что, если и так? – насупилась я.

– Ну тогда, милая дева, не могли бы вы помочь с приготовлением обеда? – попросил Тоору, доставая из рюкзака Сатору алюминиевую кастрюльку и переносную плитку.

Меня попросили сходить за водой, а потому я поспешно встала со своего пенька. Так как чуть выше был родник, я поднялась туда и обнаружила, что между больших камней и правда тонкой струйкой сочилась вода. Я подставила ладони и, набрав немного воды, поднесла ко рту. Вода была ледяная, но очень вкусная, так что я подносила ладони к струйке, пока не напилась вдоволь.

– Вот, попробуйте, – предложил Сатору, и учитель, сидевший как всегда с прямой спиной в традиционной позе на расстеленной прямо на земле газете, попробовал на вкус свежесваренный грибной суп.

Суп из только что собранных грибов приготовили Сатору и Тоору. Сначала Тоору очищал грибы от земли и травинок, а потом Сатору закидывал их в предусмотрительно принесенную маленькую сковородку – большие грибы сначала разрезал пополам, а мелочь бросал целиком – и отправлял жариться. После обжарки он переложил грибы в кастрюлю с кипятком, добавил пасту мисо¹³ и оставил вариться.

– А я, знаете, прошлой ночью немного расширил свои знания, – сообщил учитель, держа в руках старенькую мисочку из анодированного алюминия и осторожно дуя на ее содержимое.

– Сразу видно – учитель, – отреагировал Тоору, прихлебывая суп.

– Оказывается, ядовитых грибов куда больше, чем я думал, – продолжал учитель, вылавливая палочками кусочек гриба и отправляя его в рот.

– Это да, – кивнул Сатору. Он уже съел первую чашку супа и деревянной ложкой наливал себе добавки.

– Впрочем, откровенно ядовитые грибы и в рот никто брать не станет.

– Учитель, а может, не надо говорить об этом во время еды? – попросила я, но он даже не обратил внимания. Как обычно.

– Правда, некоторые ядовитые грибы трудно отличить от съедобных – рядовка опаленная, например, очень похожа на обычную рядовку, а омфалот японский не отличить от шиитаке. Ужас.

От его серьезного лекторского тона Сатору и Тоору рассмеялись:

– Мы, знаете ли, уже не первый десяток лет собираем грибы – а таких странных названий не слышали.

Какое-то время я растерянно держала палочки в воздухе, но сейчас опустила их в миску. Интересно, видели ли это Сатору и Тоору? Я украдкой взглянула на них – нет, похоже, они ничего не заметили.

– Как-то раз женщина, с которой я состоял в браке, съела панеолус мотыльковый, – вдруг начал рассказывать учитель, и оба кузена смотрели только на него.

– «Женщина, с которой состоял в браке...» Это еще что значит?

– Это значит, что речь о моей жене, сбежавшей лет пятнадцать назад, – все тем же серьезным тоном пояснил учитель.

¹³ Продукт традиционной японской кухни, густая паста, изготавливаемая путем брожения соевых бобов, риса, пшеницы или смеси из них с помощью специального вида плесневых грибов.

Я тихо вскрикнула от удивления. Вообще-то, я думала, что его жена умерла! Мне казалось, что Сатору и Тоору тоже должны быть удивлены, но они сохраняли спокойствие. А сам учитель, похлебывая грибной суп, поведал вот такую историю:

– Мы с женой часто ходили в походы. Обычно – к низким горам примерно в часе езды на поезде от дома. Рано утром в воскресенье мы брали приготовленные женой обеды и сидели в пока еще пустой поезд. Жена постоянно читала книгу под названием «Веселые поездки в ближайший пригород». На обложке этой книги красовалась фотография женщины в кожаных альпинистских ботинках, широких брюках до середины икры и шляпе с пером: опираясь на трость, она поднималась на гору. Супруга моя собрала себе точно такой же комплект одежды, даже трость прикупила – и вот в таком виде и ходила в походы. Я ей говорил, мол, это же просто поход, необязательно подбирать какую-то специальную одежду, но жена даже внимания не обращала, заявила, что ей важно начать с внешнего вида. Этому костюму она не изменяла никогда, даже если по намеченному маршруту можно было пройти хоть в резиновых тапках. Упрямая была женщина...

Итак, дело было примерно тогда, когда наш сын уже пошел в младшую школу. Мы втроем, как обычно, отправились в поход. Как раз осенью, как сейчас. Долгие дожди закончились, клены в горах покраснели – красота. Правда, из-за этих дождей красных листьев осталось мало – опали.

В тот поход я пошел в спортивной обуви и пару раз упал, поскользнувшись в грязи. Зато жена в своих альпинистских ботинках шла без малейших затруднений. Глядя на мои бесконечные падения, она могла бы сказать что-нибудь вроде «Ну вот видишь!», но не говорила. Несмотря на все ее упрямство, язвительностью моя супруга не отличалась.

Пройдя некоторое расстояние, мы остановились отдохнуть и съели по две засахаренные лимонные дольки. Вообще-то, я кислое не люблю, но жена настояла, что в походе в горы без них никак, а я решил не протестовать. Не думаю, что она бы разозлилась, но мне не хотелось, чтобы ее гнев накапливался – ведь потом он мог бы нагнать меня, как набравшая силу волна, в самое неподходящее время. Так уж устроена семейная жизнь.

Сын не любил лимоны еще больше, чем я. Стоило ему взять в рот засахаренную лимонную дольку – и он тут же встал с места и отправился в заросли деревьев. Там он начал старательно собирать с земли опавшие красные листья. Глядя на эту милую сцену, я тоже решил последовать его примеру, и когда подошел поближе, увидел, как он тайком выкапывает ямку в земле. Он поспешно вырыл неглубокую ямку, так же поспешно выплюнул лимонную дольку и, бросив ее в ямку, все так же торопливо закопал. Вот настолько он не любил лимоны – обычно он так небрежно к еде не относился. Жена хорошо его воспитывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.